

3. Борьба за власть и Продовольственная программа (январь-май 1982 гг.)

Тем временем зыбкое равновесие партийных кланов опять нарушилось. Сразу после новогодних праздников 1982 г. КГБ был арестован Б.Буряце, замешанный в деле о кражах драгоценностей. Он был близко знаком с дочерью Брежнева Галиной. В орбиту следствия попала семья Генсека.

Галина Брежнева могла знать от отца о сроках повышения цен на драгоценные камни, и поэтому она была важным элементом сети скупки и перепродажи «камешков», раскинувшейся в среде московской элиты. Дело это было небезопасное — 10 декабря 1981 г. погибла известная артистка З.Федорова, занимавшаяся перепродажей драгоценностей. В этом бизнесе усиливались позиции уголовной мафии. Под новый 1982 год у артистки цирка И.Бугримовой украли коллекцию бриллиантов. Преступники попытались вывезти краденое из страны, но один из «курьеров» был задержан в аэропорту Шереметьево. Вскоре следователям стала известна фамилия одного из организаторов ограбления Буряце — хорошего знакомого Брежневой¹³⁰.

Вскоре, 21 января, застрелился ставленник Брежнева в КГБ С.Цвигун, курировавший это дело. Он мог не выдержать откровений о связях преступников с высшими государственными руководителями (впрочем, возможно, что самоубийство Цвигуна было связано не с криминально-политическими, а с личными причинами). По мнению Р.Медведева, «смерть Цвигуна существенно и быстро изменила положение Ю.В.Андропова в КГБ, позволяя ему взять на себя непосредственное руководство следственными делами, которые вел Цвигун...»¹³¹ Р.Медведев имел возможность познакомиться с делами Буряце и арестованного вслед за ним директора Управления цирками А.Колеватова. Упоминаний семьи Брежнева там, естественно, нет¹³². Это, однако, не значит, что информация о покровителях Буряце была недоступна Андропову и не использовалась им. Обстановка в Кремле так накалилась, что 25 января скончался М.Суслов (разоблачения КГБ, возможно, коснувшиеся семьи самого Генсека, могли быть тяжелым ударом для древнего старика). Смерть Суслова устранила важный фактор в Политбюро. «В составе руководства он играл стабилизирующую роль, — вспоминает Горбачев, — в определенной мере нейтрализовывал противостояние различных сил и характеров. И вот его не стало. Первый вопрос — кто заменит? По сути дела, речь шла о преемнике Брежнева, о «втором» секретаре, который по традиции со временем становился «первым», уже при жизни генсека постепенно овладевал рычагами власти, брал на себя руководство»¹³³. Сразу после смерти Суслова КГБ провело серию арестов среди знакомых Брежневой. 29 января, пока Брежнев с товарищами хоронили «серого кардинала», КГБ арестовал несколько человек из окружения Г.Брежневой, а ее саму Андропов вызвал на Лубянку. Предметом беседы могли стать источники ее доходов, то есть доходов ее мужа — генерала милиции, заместителя Министра внутренних дел Ю.Чурбанова. Направление

удара было очевидно — еще в декабре 1980 г., после убийства майора КГБ группой пьяных милиционеров на станции метро Ждановская, традиционное соперничество КГБ и МВД, возглавляемого старым другом Брежнева Н.Щелоковым, переросло в чуть ли не в открытую войну.

Дело принимало серьезный оборот. Но в февралемарте борьба неожиданно стихла. Был найден компромисс, который устраивал враждующие стороны. Андропов постепенно перемещался на место Суслова — ближе к посту Генсека, но дальше от КГБ. В апреле 1982 г. шеф КГБ вдруг выступил с речью, посвященной годовщине со дня рождения Ленина — с чисто идеологическим документом.

Несколько месяцев ушло на подбор кадров, способных уравновесить такое перемещение. На место Андропова прочили руководителя КГБ Украины Федорчука, настроенного «пуритански», но тесно связанного с ярким представителем брежневского днепропетровского клана руководителем Украины В.Щербицким. Брежневцы, как казалось, могли рассчитывать на старого члена днепропетровского клана В.Чебрикова — заместителя председателя КГБ. Но, как показали дальнейшие события, Андропов его «перевербовал». Перемещение Андропова на пост секретаря ЦК планировалось на ближайшем пленуме. Андроповцам было бы важно украсить этот пленум каким-нибудь своим эпохальным решением. Это вполне соответствовало планам Горбачева. Именно на майском пленуме ЦК КПСС он намеревался воплотить в жизнь свои реформаторские планы.

В это время Брежнев отлеживался после стресса, полученного в Ташкенте, когда на него обрушились заводские леса. Советологи любят относить этот случай к акциям КГБ, но возможно и более простое объяснение: человеческое любопытство, желание посмотреть на живого Императора согнало на леса, под которыми он должен был проходить, слишком много людей — и конструкция не выдержала. Вместо того, чтобы вернуться в Москву, Брежнев, «ради престижа державы», чтобы никто не догадался о происшедшем, провел несколько выступлений со сломанной рукой. «Надо отдать должное его выдержке, если хотите — мужеству. Он осторожно перелистывал страницы доклада, и из всего огромного зала только мы знали, что каждое мало-мальское движение вызывает у него нестерпимую боль»¹³⁴. Эти несколько дней вывели Брежнева из политической жизни на месяцы и в конечном итоге предопределили его кончину уже в 1982 г.

Впрочем, и без болезни Брежнев был так занят предстоящей комбинацией с Андроповым и связанными с этим семейными неприятностями, что ему было просто не до аграрных переустройств Горбачева. Для Брежнева принятие Продовольственной программы было благовидным поводом для созыва Пленума, на котором должен был быть перемещен Андропов.

Над окончательным проектом Продовольственной программы работала группа специалистов, в помощь которой привлекались специалисты-прагматики, известные своими относительно свободными взглядами, — в частности академики А.Аганбегян и Т.Заславская из Сибирского отделения АН. Взгляды Горбачева об освобождении местных аграрных кланов от опеки сверху были созвучны идеям либеральных ученых об освобождении ме-

стной инициативы и сведении роли министерств к минимуму. Однако, по воспоминаниям Заславской, Горбачев «дал понять нам, что он не в состоянии сейчас продвинуть что-либо более радикальное», чем то, что уже достигнуто. В ответ на одно из предложений ученых Горбачев сказал: «Неужели вы думаете, что если я запишу это в проекте программы, я еще буду сидеть в этом кабинете»¹³⁵.

Серьезное сопротивление планам Горбачева оказывал министр мясной и молочной промышленности Антонов, ведомство которого планировалось включить в Агропром. «Антонов пользовался очень большим авторитетом и имел огромный опыт управления мясомолочной промышленностью, — вспоминает бывший работник министерства Ю.Шумахер, — он руководил ею еще до Хрущевской реформы, ликвидировавшей министерства. Тогда его направили послом в Китай, где положение было совсем не простым. Антонов показал себя умелым политиком, сумел тогда избежать открытого разрыва. Как только министерства были восстановлены, Антонов вернулся на свое привычное место. При нем министерство мясомолочной промышленности стало организующим фактором не только своей отрасли, но и всего сельского хозяйства. Авторитет Антонова был так велик, что он мог прилюдно указать Горбачеву на его некомпетентность, как мальчишке. Естественно, что Горбачев терпеть его не мог»¹³⁶.

Практичные министерские управленцы не впервые встречались с «крестьянским эгоизмом» партийных боссов и противостояли ему как могли. Хозяйственники не без оснований считали себя более компетентными работниками, чем выходцы из деревни, которые руководили из партийных штабов. Горбачевские идеи не выдерживали их критики уже потому, что модернизация перерабатывающей промышленности требовала не меньших затрат, чем развитие сельского хозяйства. Руководители большинства смежных с сельским хозяйством отраслей не расходились с Горбачевым в необходимости индустриализации сельского хозяйства. Но их концепция исходила не из одномоментного переустройства управления сельским производством на началах всеобщей рационализации и «стирания различий между городом и деревней», а из обратного — превращения сельскохозяйственных предприятий в организующие анклавы на селе, постепенно упорядочивающие сельскую жизнь в соответствии с ритмом налаженного промышленного производства. Такой «эволюционизм» не устраивал Горбачева по двум причинам. Во-первых, он не соответствовал его политическим планам, так как не предусматривал реформ и перестроек. Во-вторых, осуществление планов промышленников подрывало господство «помещиков» в регионах, что могло лишить Горбачева его социальной базы.

Если отвлечься от конкретной ситуации начала 80-х гг., то в этой первой реформе Горбачева можно заметить формирование уже в этот период основной стратегической линии будущей Перестройки — ее антиведомственной направленности. Антиведомственность, проявлявшаяся первоначально спонтанно, затем станет стержнем антибюрократической революции 80-х гг., в которой горбачевская группа в высшем руководстве страны окажется одним из инициаторов наступления на бюрократические структуры. Другая

сторона этого же направления политики Горбачева — поддержка региональных интересов против центральных, что также будет иметь далеко идущие последствия. В этом смысле события, связанные с принятием Продовольственной программы, имели важное политическое значение. И не случайно, что здесь не обошлось без борьбы.

Вспоминает бывший работник Министерства мясомолочной промышленности И. Федорус: «Незадолго до пленума Горбачев прислал нам записку с требованием рассмотреть предложения к этому пленуму и одобрить их. Фактическая ликвидация министерств, предложенная аппаратом Горбачева, заставила нас немедленно обратиться к Антонову, который находился в больнице. А тот, в свою очередь, вышел на Брежнева»¹³⁷. Соппротивление раздражало Горбачева: «Поверь, — сетовал он, — ведь главная борьба заключается в том, что знаю, могу, разработал четкую и эффективную программу вывода села из кризиса, но пробить, реализовать эти идеи невозможно. Круговая порука, стремление ничего не менять повязали всех накрепко», — вспоминает В. Воротников о беседе с Горбачевым¹³⁸. Только в 1985 г. Горбачев получит возможность реализовать свою программу полностью, но ожидаемых результатов она не даст.

Весной 1982 г. постепенно дело сдвинулось с «мертвой точки». Горбачев вспоминает: «Уязвимым местом программы оставался вопрос об источниках ее финансирования... Состоялась встреча Тихонова, Байбакова и Гарбузова, на которой Председатель Совета Министров довольно жестким тоном заявил:

Никаких обещаний по финансированию и ресурсам под Продовольственную программу Горбачеву не давать.

...Поиски вывели на такой феномен, как безвозвратный кредит... Ежегодно хозяйства аккуратно получали их, но отдавать полностью никто не собирался... Заменить безвозвратный кредит на закупочные цены. Итак, безвозвратный кредит есть не что иное, как прямое финансирование колхозов и совхозов... Так почему же мы не можем выделить такие суммы для повышения закупочных цен?»¹³⁹

В «денежном» вопросе Горбачева поддержал Брежнев, который заботился о своем имидже благодетеля села:

«— Пленум проводить надо. Только вот одно — вы все меня уговаривали, утвердили докладчиком, а сами по финансированию не договорились. Что же, я пойду на трибуну с пустым карманом?

— Что вы, что вы, Леонид Ильич, — вскочил с места Черненко.

— Все будет в полном порядке, договоримся, — поддакнул и Тихонов, хотя прозвучало это у него не очень искренне»¹⁴⁰. Как видно, уже в этот период Черненко поддерживал Горбачева против Тихонова, которого недолюбливал¹⁴¹.

Уступку по вопросу финансирования Тихонов обусловил отказом от идеи создания АПК, против которой подчиненные премьера стояли «на смерть». Горбачев вспоминает:

— Я все это возмму, посмотрю еще раз, но давайте сразу исключим из документов создание Государственного агропромышленного комитета. В

районах пусть будут, а в центре — нет. Что же, это у нас второе правительство? «Надо же, — подумал я, — сидеть четыре часа и молчать о главном... Вот такой торг произошел, как сказали бы сейчас — “бартер”»¹⁴². Взвесив «за» и «против», Горбачев согласился. Он и так сделал для своей социальной «базы» немало. Результатом утомительной борьбы «под ковром» вокруг Продовольственной программы стал компромиссный доклад Брежнева на майском Пленуме ЦК. То, что доклад прочитал именно Генсек, надежно закрепляло результаты достигнутого компромисса — не случайно Тихонов так настойчиво убеждал больного Брежнева идти на пленум¹⁴³. Горбачев даже не выступал на этом пленуме, созванном по «его» вопросу. Окончательно убедившись в проандроповской ориентации Горбачева, «консерваторы» не допустили появления двух «именинников» одного клана на этом мероприятии. Горбачев мог чувствовать себя обиженным и потому, что идея разгрома ведомств в документы не прошла. Но в остальном решения майского пленума 1982 г. с его «продовольственной программой» пропитаны взглядами Горбачева, его идеями. Частичная неудача — лучшее средство воспитания в себе «человека идейного». Уже есть идеал, и возникает понимание — мир нуждается в изменении...

Доклад Брежнева содержал долю горькой правды, которая могла вызывать сопереживание у внимательного читателя: *«Мы все чаще сталкиваемся с таким положением, когда узким местом становится не производство, а хранение, переработка продукции, доведение ее до потребителя»*¹⁴⁴. Эта проблема была хорошо известна жителям городов. Они постоянно отрывались от своей работы для того, чтобы служить бесплатной рабочей силой на гигантских хранилищах продуктов. Штатные работники сельского хозяйства не были заинтересованы в результатах своего труда так же, как и присылаемые городскими учреждениями временные работники, мобилизованные партийными органами. Горожане перебирали гниющие продукты и понимали, почему на прилавках так трудно найти свежие овощи. Переработка и хранение продуктов не могла не быть узким местом экономического организма, в котором вертикальные связи доминируют над горизонтальными. Но осознание необходимости укрепления горизонтальных связей в экономике на основе рынка придет к Горбачеву позднее. А пока задача укрепления связей между промышленностью и сельским хозяйством должна была решаться на путях административных переподчинений. По идее Горбачева, проблему потерь продуктов на стыке отраслей и учреждений должно было решить объединение субъектов агропромышленного комплекса (АПК) под одной управленческо-планирующей «крышей»: *«Программа воплощает целевой, комплексный подход к решению продовольственной проблемы. Важнейшая особенность такого подхода состоит в том, чтобы увязать, объединить работу как самого сельского хозяйства, так и обслуживающих его отраслей промышленности... Впервые агропромышленный комплекс выделяется как самостоятельный объект планирования и управления»*¹⁴⁵, — заявляет Горбачев устами Брежнева.

Впрочем, Брежнев доводит до ЦК и жалобы другой стороны — оппозиционных Горбачеву министерств: *«Мне уже приходилось говорить о больших*

*потерях, связанных с тем, что мощности перерабатывающих отраслей не соответствуют объемам заготовок скота, птицы, молока... Мы все понимаем, что возможности наши далеко не безграничны, тем более в середине пятилетки»*¹⁴⁶. Это камень в огород Горбачева, не вовремя затаившего всю эту продовольственную заваруху. Брежнев успокаивает противников Горбачева: *«Чтобы исправить положение, проект нацеливает на подъем пищевой и мясомолочной промышленности»*¹⁴⁷. Значит, Горбачев сам не смог «исправить положение».

Перечень мер, прозвучавших в речи Брежнева, продиктован обоими враждующими сторонами — мастер компромисса вовсе не собирался ссориться с аграрниками, которые стояли за Горбачевым, и готов был предоставить им обширные льготы, лишь бы они не затрагивали прав министерств. В речи предлагается считать стройки агропрома ударными, расширить возможности приусадебного хозяйства (власть периодически шла на это, когда хотела поправить положение с продовольствием), списать задолженности с нерентабельных колхозов и совхозов, заставить промышленные предприятия всех отраслей тоже производить сельскохозяйственную продукцию на подсобных хозяйствах (такая натурализация аграрного производства означала своего рода «агропром наоборот» и касалась даже воинских частей).

Но главной проблемой оставалась реорганизация управления, вокруг которой, собственно, и кипели страсти. Брежнев не был особенно многословен на этот счет. Он заявил о создании агропромышленных объединений на местах, а также агропромышленных комиссий с большими полномочиями в центре и в республиках. Эти структуры должны были координировать работу соответствующих министерств. «Основное значение придается районному звену»¹⁴⁸, — специально подчеркнул Генсек. Таким образом, «помещики» получали частичный контроль над агропромышленными предприятиями небольшого размера, которые переходили в двойное подчинение, а министерства, в свою очередь, подчинялись специальным комиссиям — параллельной агропромышленной власти. Это открывало новые возможности для сторонников Горбачева и значительно запутывало систему управления. Горькой насмешкой звучали слова Брежнева: «Параллельно будет упрощаться и удешевляться аппарат, чтобы избавиться от излишних звеньев, обеспечить большую оперативность и эффективность управления»¹⁴⁹. Именно эта идея сокращения и упрощения аппарата продолжает все увереннее звучать в самой «продовольственной программе» и постановлениях ЦК к ней. Эти документы были составлены уже аппаратом Горбачева и носят менее компромиссный характер. Из них видно, что параллельная агропромышленная власть практически изолирует министерства от предприятий и делает их тем самым «излишними и дублирующими звеньями», которые необходимо впоследствии «ликвидировать». Сами агропромышленные объединения создавались из руководителей сельскохозяйственных предприятий и становились, таким образом, органом аграрной верхушки, заседавшей за одним столом с руководителями аграрной промышленности, которые были здесь в меньшинстве. Власть «помещиков» распространялась и на

областные агропромышленные объединения (АПО), которые составлялись из представителей районных. Но далее цепочка обрывалась — агропромышленная комиссия создавалась Советом министров и министерствами. Таким образом, Министерства оказывались «зажатыми» между АПО и ЦК, но сохраняли самостоятельность.

Горбачев попытался вставить в документ и некоторые «перестроечные мотивы»: *«Однако есть еще немало руководителей и специалистов, которые медленно перестраивают свою работу, недостаточно мобилизуют внутренние резервы и возможности, ведут хозяйство по старинке, отжившими методами, довольствуются достигнутым»*¹⁵⁰. Впрочем, следом идет указание в духе времени: «В ряде мест неоправданно высока сменяемость председателей колхозов, директоров совхозов и специалистов хозяйств»¹⁵¹. «Помещики» не должны волноваться, что их снимут за работу по старинке.

Основной текст «Продовольственной программы» основан на идее Кулакова об установлении четких плановых установок по сельскохозяйственной продукции для каждого региона. В духе прежних выступлений Горбачева особое внимание уделяется мелиорации: «Осуществить до 1990 года строительство объектов первого этапа переброски части стока северных рек в бассейн реки Волги...»¹⁵² Это был знаменитый план поворота северных рек — наиболее грандиозный проект горбачевской мелиоративной программы. Она дополнялась планами расширения использования химических удобрений, губительность которых для человеческого организма была тогда еще мало известна.

Таким образом, «Продовольственная программа» представляла собой не просто компромисс между агропромышленными министерствами и аграрной верхушкой, которую возглавлял Горбачев. Это был документ, рассчитанный на дальнейшее развитие и в конечном счете на разрушение министерской структуры в пользу «аграрного лобби». Горбачев получил дополнительные рычаги для борьбы с влиянием ведомств, и равновесие между «помещиками» и «промышленниками» нарушилось в пользу первых.

Большим успехом Горбачева и «аграрной партии» стали новые вложения в сельское хозяйство. В то же время Брежнев, который был вынужден согласиться на большинство предложений Горбачева, за исключением самых крайних, по-видимому остался недоволен активностью самого молодого члена Политбюро, по вине которого возник еще один конфликт в руководстве. Положение Горбачева было тем более шатким, что к 1982 г. он окончательно проиграл «битву за хлеб». Урожаи 1981—1982 гг. были необычайно бедными — 155—175 т. вместо 215—243 миллионов по плану¹⁵³. Но в последние месяцы жизни Брежневу было не до Горбачева.